

Гойко МИТИЧ, актер: *известие — 2003 — 10 окт. — с. 2.* Я многому научился у индейцев

Гойко МИТИЧ, легендарный югославский актер, ставший храбрым Чингачуком для миллионов мальчишек СССР и звездой десятков сделанных в ГДР «истернов» («Чингачук — Большой Змей», «Сыновья Большой Медведицы», «Белое перо» и многих других), солидарен с борьбой индейцев не только на экране, но и в реальной жизни. С по-прежнему импозантным актером встретилась в Берлине журналистка Елена ХАТРУСОВА.

— Бывали ли вы у американских индейцев?

— Я был у них один раз, несколько лет назад. То, что я пережил там, просто великолепно. Меня принимали как своего человека. Хотя к белым они относятся очень настороженно. Понятно почему — после всего, что белые сделали индейцам в ходе истории. Ну и теперешние дела: когда я слышу, что Америка пытается играть роль полицейского в Европе, я думаю, что американцам лучше бы разобрататься с массой вопросов сначала в своей стране. История с индейцами ведь продолжается и сегодня. Белые американцы заключили в общей сложности больше 400 договоров с ними — и не соблюли ни одного.

— Образ индейца, который вы воплотили на экране, вам мешал или помогал в жизни?

— Думаю, помогал. Когда я занялся историей индейцев, я многому научился у этого народа. Их отношение к природе, их философия ценны даже в современном обществе, когда все гонится за выгодой. Индейцы правы в том, что нужно стремиться к главному, к ценностям, которые действительно важны в жизни. Мы уничтожаем окружающую среду, в результате имеем воду, которую уже

нельзя пить; у нас не остается воздуха, чтобы дышать; мы отравляем почву и едим поэтому тоже отраву... Наша алчность действует против нас самих.

— В России вас по-прежнему любят 30-летние, но даже они мало знают о вашем сегодняшнем творчестве. Чем вы сейчас занимаетесь?

— В последнее время я много участвовал в театральных постановках, часто снимался в кино. Я играл во многих фильмах, зритель их принимал не так хорошо, как обычно. Правда, в этих фильмах я не играл главных ролей. Все это уже после объединения Германии. В театре я играл много интересных ролей: к примеру, Спартака — это очень хорошо идет на открытой сцене, также в «Слуге двух господ» — Труффальдино из Бергамо, в этой роли меня хорошо знают, в спектаклях «Д'Артаньян и три мушкетера», «Робин Гуд», — я сыграл много ролей такого плана. Конечно, у театра одни законы, а у кино — другие. Как говорят актеры, театральные подмостки — это целый мир. Ведь я могу расти вместе с ролью, видеть ее по-разному: сегодня сыграл так, завтра иначе. А в кино перед тобой груды железа, которая еще и немножко жужжит. Аппаратура то есть. И не знаешь, нра-

вится ли твоя игра зрителю. Стоп, снято — и изменить уже ничего нельзя.

В театре я играю больше 10 лет. Сразу после объединения Германии стал выступать на большой открытой сцене. Мы ставим Карла Мая. Огромный спектакль, каждое представление смотрят 7—8 тысяч зрителей. Играть, конечно, очень тяжело — все происходит прямо перед зрителями. Там есть лошади — на них скачут, сражаются, то есть актер должен быть физически в хорошей форме, а ведь требуется еще и театральное мастерство. С другой стороны, это хороший тренинг — нет времени стареть.

— Я знаю, что распад Югославии произвел на вас очень сильное впечатление. Как вы думаете, в чем его причина?

— Я буквально заболел, не хотел в это верить. Почти 35 лет я не живу в Югославии, но всегда приезжал туда как гость. И все же это моя страна, я чувствовал и чувствую себя югославом. Но вот между людьми происходит раскол, они начинают бороться друг против друга... И главное то, что все пошло не от обычных людей: сербы, хорваты, христиан, мусульман. Политики спровоцировали их; теперь мы видим, что политики несут очень большую ответственность за человечество. Хороший политик отличается тем, что поддерживает мир, а не войну.

Я не понимаю еще одного: раньше существовало два крупных военных блока — ОВД и НАТО. Первый распался, тогда зачем существует второй? Так думаю я.

Если нужен мир, то следует провести разоружение. Так говорит индеец!

— Как вы относитесь к творчеству вашего бывшего соотечественника Эмира Кустурицы? Хотели ли бы вы, например, сняться в его фильме?

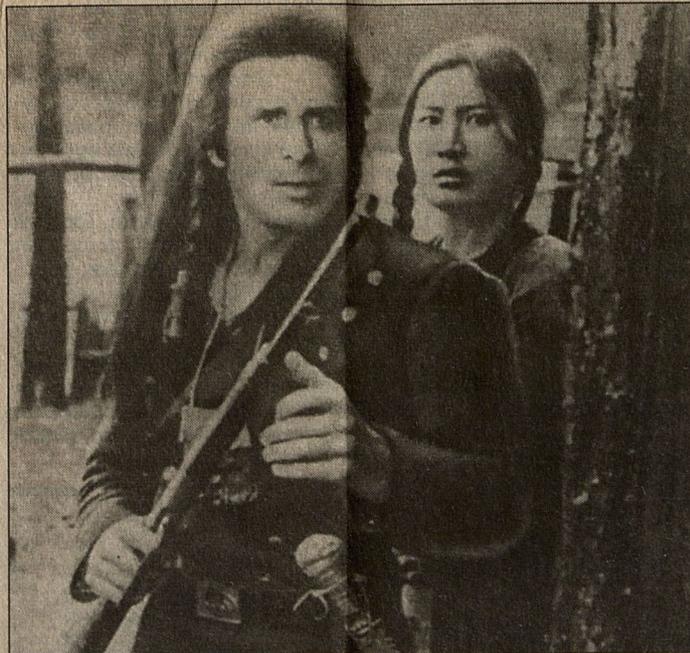
— Эмир делал очень хорошие фильмы, но сейчас, думаю, это несколько трудно: нужны деньги. А откуда ему их взять? Когда он снял фильм «Underground», я знаю, его очень критиковали на Западе за просербскую позицию, хотя Кустурица был объективен.

— Сейчас в России существует мода на балканскую культуру, на литературу, на музыку. Кто из балканских музыкантов и писателей вам интересен?

— В нашей музыке вообще очень сильны фольклорные корни, музыканты хотели их оживить — получались такие «заново написанные» песни, как говорят в Югославии и Сербии. Конечно, есть и такая музыка, которая мне не нравится. Но, в конце концов, люди попытались приспособиться к тому, что происходит в мире. И когда они вспоминают о собственных традициях, это хорошо.

Мне сложно назвать какой-то музыкальный проект или группу из тех, что мне нравятся. Я слушаю разную музыку, не только югославскую или балканскую, мне нравится просто хорошая музыка, например, я часто с удовольствием слушаю Чайковского. В общем, слушаю то, что кажется мне красивым.

— Расскажите немного о вашей личной жизни.

Гойко Митич в фильме «Скаут»

— Во времена ГДР люди не так интересовались частной жизнью: что человек делает, как он это делает, с кем встречается и так далее. Сегодня под влиянием бульварной прессы люди стали любопытными, все надо разузнать. Я считаю, это ужасно, я не могу понять, зачем копаться в личной жизни каждого. Когда что-то есть между двумя людьми, то это больше никого не касается. Это моя частная жизнь, она — как маленький сундучок с сокровищем, который принадлежит только этому одному человеку, и никому больше нельзя туда заглядывать. Он это пережил и имеет право оставить при себе. Поэтому я не люблю говорить о личном...

— Вы давно были в России?

— Последний раз, когда еще существовал Советский Союз. Мы снимались в Туркмении на реке Амударья, это было более 10 лет назад. Было еще другое время; я знаю, как там все сейчас, — я читаю, собираю информацию. Конечно, мне интересно, как разворачиваются события, реформы, да и все в целом. Но я думаю: маленький человек в России, как говорится, опять страдает больше всех.

— Вам интересно было бы приехать, например, посмотреть, что сейчас происходит?

— Ну конечно, почему бы и нет? Проблема только во времени.

Берлин.
При участии
Георгия ИЛЬИЧЕВА